

«И впрямь не сравниться с тобой в мире ремёсел — ты уж и в легенды вошёл».

«Завидуешь? Хочешь, расскажу и твою? Давай-ка зайдём в любую чайную, попросим чайного мастера позвать сказителя, сунём ему два ляна — и пусть раза семь-восемь перескажет историю, как ты ночью ворвался в поместье Лайи и тридцать две души отправил на тот свет. Пошли, я тебя сведу, послушаешь». — Тан Юань положил руку на плечо Юань Сяо и поволок его за собой, словно закадычный друг.

«Не пойду». — Юань Сяо дёрнул плечом, сбрасывая его руку.

Тан Юань, почувствовав, что его добрые намерения проигнорированы, тут же возмутился: «Ну и характер! Я тебя и брать-то не хочу. Деньги тратить, неохота с тобой возиться».

«И так и собираешься скитаться? В мире ремёсел легендой оставаться?»

«А что плохого? Я всего лишь гадатель. Раз уж унаследовал мастерство учителя, буду в мире скитаться и предсказания толковать. Что в том дурного?» — Тан Юань шёл впереди, покачиваясь на ходу, так что казалось, вот-вот пояс с него свалится. Весь его облик кричал об одном — «блаженство».

Юань Сяо следовал за ним, глядя в спину. На макушке Тан Юаня торчали два непослушных волоска, подпрыгивавших в такт шагам, словно два генерала, рвущихся в бой. «Генерал» — так звали любимого сверчка старика Юаня, чёрноголового и прямого, непобедимого чемпиона на бойцовом ринге. Вспомнив того задиристого сверчка, Юань Сяо прикрыл рот и тихонько усмехнулся, стараясь, чтобы Тан Юань не услышал, а потом догнал его: «Возьми себя в руки. Идёшь и качаешься, как пьяный, ещё споткнёшься. И где это видано, чтобы отпрыск знатного рода так себя вёл?»

«А как, по-твоему, должен вести себя отпрыск знатного рода? Как Ян Сян, что по садам слоняется и себя на посмешище выставляет? Или как Чжоу Фу, что с младых ногтей чопорен, будто учитель-недоросток? Я с детства ушёл изучать боевые искусства, пусть и великим героем не стал, зато известным прорицателем сделался. Разве это не подобает знатному роду?»

«Не могу я с тобой спорить». — Юань Сяо схватил его и принялся поправлять одежду, при этом ворча, словно нянька: «Но домой ты всё же наведайся, хоть деда повидай. Он уже в годах. Недавно из дому письмо получил — пишут, ваш старик к нам частенько навещается. Думаю, по тебе скучает. Навести его хоть изредка».

Тан Юань покорно позволил ему обряжать себя — этот человек с детства опекал его, как мать родная. «Легко сказать. Стоит мне в столице показаться — и переполоху не оберёшься. Мой императорский двоюродный дядюшка, поди, опять сон потеряет от беспокойства».

«С вашими семейными делами мне не разобраться. Если уж совсем никак, проберись в столицу тайком. Императорский контроль над городом не настолько плотен, чтобы и птица не пролетела. Ладно, я уже близко к почтовой станции, мне пора. Лошадь возьму и в лагерь вернусь, мои солдатики ждут. Ты же смотри, береги себя, на деньгах не экономь».

«Э? Да разве я когда-нибудь деньгами брезговал? Ты меня недооцениваешь».

«Ладно, ладно, ты могуч». — Перед уходом Юань Сяо ухватил его за рукав, взял запястье и поцеловал кончики пальцев. «Я пошёл».

«Эй! Ты что, сбежал?» — крикнул ему вслед Тан Юань. Юань Сяо лишь помахал рукой, не

оборачиваясь.

Ответа не последовало, но Тан Юань и сам всё понимал. Откуда у генерала-защитника государства, пусть даже титул его был не столь весом, а в мирное время под началом и не так уж много войска, найдётся столько свободного времени, чтобы в чайных сказы слушать? Войска всё же имелись, и тренировать их нужно было изо дня в день.

Проводив Юань Сяо, Тан Юань откуда-то снова достал своё гадательное знамя. На белом полотнище с зелёной каймой красовались четыре иероглифа: «Железное слово — прямая правда».

В чайной он не врал, говоря, что в последнее время часто богатеет. Клиентов у него и вправду прибавилось, да и платили они щедро, так что он изрядно нажился.

Он свистнул в небо, и вскоре примчался белый голубь. Сняв с его лапки тонкий футляр для донесений, Тан Юань вложил внутрь полоску белого шёлка, после чего вновь прикрепил футляр к птичьей ноге.

Голубь, казалось, был к нему очень привязан: устроившись на плече, он принялся нежно поклёвывать волосы, пока те не растрепались. Тан Юань снял его, достал горсть проса и насыпал птице.

Этого голубя вырастил его учитель. Неизвестно, чем старый проходимец его кормил, но птица, прожив уже лет двадцать, не только была жива-здоровая, но ещё несколько лет назад привела с собой голубку, с которой и обзавелась потомством. За это Тан Юань получил нагоняй — мол, птица уже птенцов вывела, а он, здоровый детина, до сих пор ни одной девушки себе не присмотрел.

Тан Юань тогда думал: оба они, учитель и ученик, старые холостяки, так кого тут судить? Но в прошлом году объявилась жена учителя, и выяснилось, что в их долине холостяком остался лишь он один. В нынешнем же году учитель с супругой отбыли в дальние странствия по Южным морям, и Тан Юань окончательно стал одиноким странником.

«Ну, старина, поел — и лети скорее, письмо учителю передай. Только смотри, в пути не заигрывай с молоденькими голубками».

Проводив голубя, он подхватил гадательное знамя и двинулся дальше. Никто не знал, куда он держит путь, да и сам он не ведал. Как говаривал он сам: Горький даос бродит, куда нога несёт, и лишь тем, кому суждено, предсказания толкует. Не встретил — значит, судьба не свела.

Но вернёмся к нашей паре.

Едва они покинули чайную, как среди посетителей поднялся шум и гам.

Ещё бы — ведь это был сам Возрожденный Яма, Юань Сяо! Оставим в стороне его положение при дворе — одно лишь это прозвище в мире ремёсел заставляло всякого палец вверх загибать.

Звучало имя жутковато, но откуда оно взялось?

Начать нужно с самого начала.

Прозвище это родилось в поместье Лайи. «Лайи» значит «Пришествие феникса».

Бабушка нынешнего императора, почтенная императрица Сяоци, была родом именно отсюда. При жизни её осыпали почестями, и даже родные места удостоились монаршей милости, получив столь пышное наименование. Поместье Лайи славилось талантливыми мужами и прекрасными жёнами, а в годы правления под девизом Чэнтай слава его достигла зенита. Бесчисленные учёные и художники стекались сюда, а смутьяны под этим знаменем учиняли немало бесчинств.

Само по себе это было не столь страшно. Беда в том, что поместье Лайи вздумало распускать лживые слухи о нынешнем императоре. Родственные узы в императорском доме тоньше бумаги, и хотя ближайšie родичи почтенной императрицы Сяоци некогда вознеслись до небес, те, что остались в поместье Лайи, приходились ей дальней роднёй.

Юань Сяо прибыл по высочайшему повелению, дабы призвать к ответу тех, кто распространял клевету. Однако на пути его встали учёные мужи, содержащиеся поместьем. Большинство из них были неудачниками из мира боевых искусств, среди коих попадались и опасные преступники, разыскиваемые властями. Мастерство их было отменным, и пока поместье давало им приют, они служили ему верой и правдой.

Особо выделялся один. Истинного имени его уже не ведал никто, знали лишь, что половина лица его была изувечена, словно облита кипящим маслом. В поместье его звали Полуликим. Тот получил здесь помощь и в благодарность предложил свои услуги. Искусство его, особенно «Когти орла», было поистине божественным. Он-то и стал первым, кто преградил путь Юань Сяо.

Юань Сяо был молодым, и Полуликий не принял его всерьёз, лишь посоветовал удалиться. Не ожидая подвоха, он получил молниеносный удар мечом, отсекавший обе его руки. Кровь хлынула, словно из ведра, облив Юань Сяо с головы до ног. Тот же лишь оттолкнул его ножами и произнёс: «Простите, старейшина».

Полуликий оказался единственным из учёных мужей, кто вышел из схватки с Юань Сяо живым. Говорят, после этого он возвестил о своём уходе из мира, заявив, что долг свой вернул и отныне в распри потомков вмешиваться не станет.

В ту ночь Юань Сяо, вооружившись мечом из лазурной стали, сразил тридцать две души и в одночасье прославился.

Говорят, оставшиеся учёные мужи подожгли поместье, надеясь устроить Юань Сяо ловушку. Когда же тот вырвался из огня, половина тела его была залита кровью, а за спиной он нёс младенца, забытого при бегстве. У входа в поместье стоял хромой, которому и довелось увидеть окровавленного Юань Сяо, выходящего из моря пламени и волочащего за собой сверкающий клинок. Меч, наполненный внутренней энергией, от её ли буйства или от жара пожара раскалился докрасна, будто только что закалённый. Кровь с лезвия ещё не обсохла, алая нить капель падала на обугленную землю, шипя и дымясь. В глазах Юань Сяо пылала багровая ярость, и в момент наивысшего убийственного порыва он был страшен, словно сам Яма. Меч его уже занёсся над головой зеваки-хромого, но плач младенца за спиной остановил Возрожденного Яму.